

Линь Цинхэнь предпринял последнюю отчаянную попытку:

— Послушайте, это действительно качественный товар. Он на порядок лучше того, что обычно выставляют на прилавках. Просто взгляните, и сами всё поймёте...

Сотрудница одарила его тем самым ледяным взглядом, который обычно приберегают для назойливых просителей, твердящих одно и то же. Что бы он ни сказал, установленные расценки оставались незыблемыми. Она даже не подумала вскрыть флакон: с того момента, как юноша признался, что не обладает статусом алхимика, девушка потеряла к нему всякий интерес. Тратить время на проверку обычного Кровоостанавливающего порошка казалось ей непозволительной роскошью — будь это снадобье высокого ранга, она, возможно, и проявила бы усердие.

Хотя цена в двести пятьдесят линчжу всё ещё оставляла Цинхэню небольшую прибыль, этот зазор был слишком ничтожен. Можно было бы сэкономить на стимуляторах роста, снизив себестоимость, но тогда сроки выполнения задания растянулись бы до бесконечности.

Линь Цинхэнь раз за разом прокручивал ситуацию в голове и понимал: он не может смириться с такой ценой. Пусть лекарство создала Система, в него был вложен и его собственный труд — ту превосходную красную пшеницу он выводил и выращивал по крупицам, вкладывая все силы.

Великий рабочий класс не позволит капиталистам попирать свои интересы! В конце концов, в этом городе полно других аптек. Подхватив свой товар, он решительно зашагал прочь.

Вскоре, однако, выяснилось, что в других лавках дела обстоят ещё плачевнее. В крупных торговых домах закупочные цены и сборы были почти идентичными, а «Белая цапля» на их фоне выглядела даже чуть более щедрой. Мелкие же лавчонки и вовсе отказывались брать товар с рук без гарантий гильдии. Что же касается аукционных домов, те и вовсе не удостоили бы Кровоостанавливающий порошок даже беглого взгляда.

Пробежав почти весь день и лишь собрав на сапоги городскую пыль, Цинхэнь в последние два часа перед закатом решился на крайнюю меру: расстелил на углу улицы кусок ткани и решил торговать сам. Неудача в переговорах стала для него, годами не покидавшего поместья, суровым, но полезным уроком.

Чтобы зарабатывать, недостаточно быть гениальным исследователем — нужно уметь находить подход к людям.

Сидя на земле, он не предавался унынию, а старался трезво проанализировать ситуацию. Посетив первую лавку, он удивился, почему готовое снадобье ценится так низко. Даже если алхимики, пользуясь своим статусом, экономят на проверках и комиссиях, их прибыль всё равно остаётся мизерной, а порой и вовсе уходит в минус. Мастера этого дела славятся своим

высоким положением, так почему же они мирятся с подобным порядком? Разве это логично?

Обойдя ещё несколько мест и разузнав подробности, Линь Цинхэнь быстро во всём разобрался. Всё оказалось предельно логично.

Обладая редким талантом, алхимики почти всегда лишены боевой мощи. К тому же процесс их совершенствования требует колоссальных вложений. Чтобы защитить себя, мастера либо объединяются в мощные союзы, либо вступают под покровительство великих семей. Одиночки — явление исчезающе редкое.

Сплочённые гильдии и кланы сами являются совладельцами аптечных сетей. Сильные сотрудничают с крупными домами, слабые — с мелкими, а порой они и вовсе сами выступают в роли хозяев лавок, являясь чистокровными капиталистами. Те же, кто выбрал путь служения великим силам, и вовсе не выпускают свои лекарства на рынок — всё идёт на нужды своих бойцов.

Если же алхимик не желает связывать себя обязательствами, он нанимается в отряд искателей приключений в качестве тылового обеспечения. Снадобья идут на нужды товарищей, а сам мастер получает долю от всей добычи отряда. Это куда выгоднее, чем прямая торговля, и не требует лишних хлопот.

Пути алхимика в этом мире были строго ограничены. Поскольку они — единственный источник лекарств, торговые дома, контролирующие основную массу мастеров, давно установили на рынке жесткую монополию. Цинхэнь по собственному опыту понял: аптеки открывают окна закупки не ради товара, а чтобы вычислять и завлекать в свои сети неприкаянных одиночек.

В глазах сотрудницы такой новичок, как он, выглядел обычным мелким перекупщиком, у которого нет права голоса — только и остаётся, что соглашаться на те самые двести пятьдесят линчжу.

Следовательно, стандартные методы обогащения ему не подходили. Чтобы завершить задание Системы в срок, нужно было искать иной путь. Задания, как и следовало ожидать, простыми не бывали.

Впрочем, попытка начать собственное дело на улице тоже не задалась. Снадобья — товар специфический; это то, что спасает жизнь в критический момент. Обычные духовные мастера предпочитают доверять проверенным лавкам, гарантирующим качество.

Линь Цинхэнь снизил цену с рыночных шестисот линчжу до пятисот, затем до четырёхсот, но прохожие даже не замедляли шаг. Никто не хотел не то что покупать, а даже просто подойти и взглянуть на товар. Ассортимент был скудным — всего несколько флаконов самого обычного порошка Жёлтого ранга. Среди опытных торговцев Цинхэнь выглядел самым невзрачным: лицо скрыто, товар копеечный — вылитый мелкий мошенник. В наше время поддельные пилюли не были редкостью.

К тому же все хорошие места давно заняли старожилы. Ему, как пришлому, достался самый глухой и неприметный закоулок. Даже если бы он начал кричать во всё горло, его бы вряд ли кто заметил.

Тем не менее, он не спешил сворачивать лавочку. Мусорная команда будет занята в городе до самого вечера, так что время ещё оставалось. В конце концов он стёр с дощечки цену и написал: «Бесплатная проба».

Народ не обманешь: как бы ни свирепствовала монополия, качественный и дешёвый товар всегда найдёт своего покупателя. Линь Цинхэнь был свято уверен, что его порошок на голову выше всего, что лежит на прилавках. Он сам выращивал сырьё и знал ему цену. Стоило продать хотя бы один флакон, и слава о нём пойдёт дальше — это стало бы отличным началом.

Но лекарство — не еда. Если бесплатное угощение люди принимают охотно, то пробовать на себе сомнительные снадобья решались немногие. К тому же небо начало стремительно темнеть. Закоулок, зажатый между высокими стенами, первым погрузился в сумрак. Теперь даже надпись на дощечке было не разглядеть.

Он подумывал было начать зазывать народ, предлагая бесплатную пробу, но улица гудела так сильно, что его негромкий голос просто тонул в этом шуме. О том, чтобы сменить место, нечего было и мечтать: все торговые зоны строго распределены. То, что ему сегодня вообще удалось найти угол, уже было удачей.

«Ну хоть кто-нибудь... хоть один человек должен меня заметить...» — уговаривал он себя.

***

Цинхэнь и не подозревал, что за ним наблюдают уже давно. Но не с улицы, а сверху.

Место, которое он выбрал, находилось прямо под стеной небольшого постоянного двора. Из-за вечного шума торговых рядов эта гостиница не пользовалась популярностью, но сейчас, когда в Префектуру Тунтянь стекалось множество людей, все её комнаты были заняты. Прямо над головой Линь Цинхэня в стене виднелось небольшое изящное окно.

В комнате у самого окна стоял простой чайный столик. Казалось бы, в такой суматохе невозможно наслаждаться покоем, но человек, сидевший там, замер неподвижно, словно старый монах в медитации. Это был юноша, на вид ровесник Линь Цинхэня. Одетый в белоснежные одежды, с волосами, собранными в простой узел, он обладал безупречно красивым лицом. В его облике угадывалась благородная отвага и чистота нефрита, но эту красоту омрачал один изъян: его глаза ничего не видели.

Мутно-серые, лишённые жизни, они казались затянутыми пеленой тумана. Взгляд его был пустым, что придавало всему его облику оттенок отрешённой неподвижности.

Слепой юноша был не один: у входа в комнату дежурили двое стражей. С первого взгляда становилось ясно, что это непростые люди — оба были мастерами Земного ранга не ниже пятой звезды. Сила такого уровня позволяла им быть почетными гостями в любом среднем клане.

Обычно человека с такой охраной почитали бы за знатного наследника богатого дома, но эти двое, хоть и несли службу, не проявляли к своему подопечному ни малейшего уважения. Время от времени они обменивались небрежным шёпотом.

— Этот Инь Цзюсяо сидит там уже целую вечность. Что он делает?

— Тш-ш, потише. Он всё слышит.

— И что с того? — один из стражей скривился. — В семье Инь я ещё соблюдал приличия и звал его «молодым господином» ради формы, но здесь мы на чужбине. К тому же он давно стал бесполезным калекой. Если бы не выгода от брака с семьей Линь, стали бы мы тащиться в такую даль ради него? Вчера приехали, а эти Лини смотрят на всех свысока — нас даже на порог не пустили! Пришлось ютиться в этой жалкой дыре! Позорище!

— Ладно тебе, уймись, — примирительно отозвался второй. — Линь Чжунтянь и Линь Циншуан вернутся через пару дней. Тогда же соберутся и все великие силы. Глава Линь дорожит своей репутацией и честью, их брачный договор незыблем, и он не посмеет от него отказаться. Пусть наш молодой господин лишился таланта, его помолвка с Линь Циншуан всё ещё имеет вес. Просто жди.

Юный Инь Цзюсяо слышал каждое слово, но даже бровью не повёл. И хотя вокруг него не ощущалось ни капли духовной энергии, а стражники за дверью считали его «бесполезным отбросом», Цзюсяо не просто бил баклуши — он тренировался. В такие моменты ничто внешнее не могло поколебать его сосредоточенность. Пустая болтовня слуг и шум улицы были для него лишены всякого смысла.

Но сегодня днём случилось исключение. Среди бесконечного потока бессмысленных звуков он уловил голос, доносившийся из-за окна.

Инь Цзюсяо крайне редко позволял себе отвлекаться во время медитации, но сегодня, возможно из-за странного беспокойства в душе, этот голос привлёк его внимание. Внизу сидел мелкий торговец — судя по всему, не слишком сообразительный. Выбрать такой глухой угол прямо под окном... неудивительно, что торговля не шла.

Он слушал его бормотание, и юноша внизу казался ему на редкость невезучим простаком.

«Неужели кто-то купит это за шестьсот линчжу?»

«Кажется, дороговато... — слышался звук стирания мелом. — Пусть будет пятьсот»

«За четыреста тоже никто не берёт?»

«Но это же так дешево...»

«Двести! Цена — просто грабёж самого себя! Друзья, не упустите шанс!»

«Да пусть вообще будет даром!»

«О небеса, есть ли смысл теперь взывать к богам удачи?»

«...Почему всё ещё никого?»

«Эй! Ну посмотрите же на меня!»

«Может, мне ещё и приплатить за то, что вы возьмёте товар?»

«В принципе, можно... Но у меня нет денег на такие доплаты. Ни одного флакона не продал, горе мне...»

«Раз никто не хочет пробовать, может, мне самому на себе продемонстрировать?»

«Хотя я такой слабак, что от одного удара ножом могу и концы отдать...»

По сравнению с другими зазывалами, этот незадачливый торговец не был слишком шумным. Видимо, он был совсем юн и не мог тягаться в наглости с опытными лоточниками. Поняв, что его крики всё равно тонут в общем гуле, он быстро сдался и лишь изредка сокрушённо шептал под нос.

«Мне бы хоть одного клиента...»

Инь Цзюсяо слышал в его голосе слабую надежду.

«Стоит лишь одному человеку попробовать, и он поймёт, что моё снадобье — лучшее на свете»

Тот торговал самым обычным Кровоостанавливающим порошком Жёлтого ранга, но откуда в этом глупце бралась такая непоколебимая уверенность?

Однако нельзя было не признать: среди рыночной какофонии этот чистый, с оттенком мягкости юношеский голос звучал как глоток свежей воды. Он не раздражал, его было приятно слушать. Короткие фразы, полные искренних чувств человека, впервые столкнувшегося с рынком: он снижал цену до предела, терпел полное фиаско, но при этом умудрялся сохранять бодрость духа и даже шутить над своим положением.

«Словно... чирикание маленького воронёнка, не знающего высоты небес», — холодно определил про себя Инь Цзюсяо.

И хотя он назвал соседа «воронёнком», уходить от окна или менять комнату он не спешил — продолжал сидеть и слушать. Его забавляло, что этот малый не ропщет на судьбу и не теряет веры в свои силы, продолжая бормотать про «лучшее снадобье в Царстве Духов». Инь Цзюсяо поймал себя на мысли, что и сам начинает в это верить.

Ему стало любопытно: когда же этот чудак внизу сможет продать хотя бы один флакон?

Вскоре он услышал, как юноша внизу принялся напевать себе под нос какой-то незатейливый, совершенно незнакомый мотив, явно подбадривая самого себя:

«Пусть удача в дом войдёт, радость, счастье принесёт... К процветанию вперёд, через море нас ведёт! Эх!»

В этот момент стражники у входа вздрогнули. Они обернулись на звук, донёвшийся от окна: Инь Цзюсяо, сидевший до этого неподвижно, как деревянное изваяние, вдруг негромко рассмеялся.

Над чем мог смеяться этот калека?

<http://bllate.org/book/15326/1369390>